

— Я с ним... — он замолчал, подбирая слова. — Мы сейчас в ссоре, я его уже неделю не видел.

— О? Вот как? — Отец Чжоу остановился и вынул сигарету изо рта.

Искры мелькнули прямо перед лицом Фан Чжо, и тот поспешно отвернулся. На лице отца Чжоу играла улыбка, но в глазах застыл холод.

— Раз так, зачем ты мне нужен? Пожалуй, стоит поскорее найти тебе замену. Как думаешь?

Алый кончик сигареты ткнулся Фан Чжо в ключицу. Послышалось шипение, и в воздухе разлился запах горелой кожи. Фан Чжо был готов зубы сломать от боли, но не издал ни звука.

Отец Чжоу приподнял бровь:

— Молодой человек, а у тебя есть стержень.

Фан Чжо сглотнул и дрожащим голосом произнес:

— Господин Чжоу, дайте мне еще один шанс.

Отец Чжоу отшвырнул потухшую сигарету:

— Это зависит от того, что ты сможешь мне предложить взамен.

Фан Чжо прекрасно понимал, чего тот хочет. Если бы требовалась лишь слежка, можно было бы давно установить скрытые камеры, но он этого не сделал. Оковы и давление в реальности лишь вызывают у людей отторжение и желание бунтовать. Но если знать истинные желания человека и удовлетворять их на психологическом уровне, такие узы подчинения становятся куда крепче. Именно этого и добивался отец Чжоу.

Фан Чжо изобразил прежнюю робость, нервно запинаясь:

— Пожалуйста, господин Чжоу, дайте мне еще немного времени. Отношение второго господина ко мне правда изменилось... Я... я верю...

Не успел он договорить, как потолок над головой содрогнулся, и даже люстра закачалась. Вскоре в комнату ворвались телохранители:

— Господин, второй господин отчаянно сопротивляется, его невозможно урезонить!

Сверху донесся новый грохот: похоже, разбилась какая-то ваза, а следом послышались звуки борьбы и крики. Фан Чжо слегка нахмурился, понимая, что с Чжоу Цу что-то случилось. А вот его отец ничуть не обеспокоился, напротив, он пришел в ярость:

— Сборище бездарей! Не справляетесь — применяйте спецсредства!

Телохранители, подобострастно кивая, поспешно ретировались. Отец Чжоу снова перевел взгляд на Фан Чжо. Парень был самой заурядной наружности, разве что глаза неплохие, да телосложение тонкое и изящное — это добавляло ему очков. Отец Чжоу не понимал прелестей однополой любви, но от охранников знал, что до недавней ссоры эта парочка ладила весьма неплохо.

Он вытряхнул из пачки сигарету. Фан Чжо взял со стола зажигалку и прикурил ему. Видя такую покорность, гнев отца Чжоу наполовину утих.

— У меня есть правило для тех, кто работает на меня.

Фан Чжо выдохнул с облегчением, поняв, что его не собираются увольнять:

— Слушаю вас, господин.

— Что бы ты ни видел и что бы ни слышал...

— Не беспокойтесь, я буду хранить всё увиденное и услышанное в строжайшей тайне.

Телохранители, обычно охранявшие виллу снаружи, исчезли — всех перебросили на второй этаж. Фан Чжо поднимался по лестнице под звуки драки, и, едва дойдя до коридора, почувствовал запах крови.

Телохранители в черном плотно перегородили вход, противостоя человеку, который отчаянно сопротивлялся внутри. Чжоу Цу, словно одинокий дикий волк, стоял посреди разгромленной комнаты, источая ярость. Его скулы были в синяках, уголки глаз и губ разбиты, белая рубашка разодрана в клочья, повсюду виднелись пятна алой крови.

В отличие от него, охранники, окружившие его, заметно нервничали. Высокий худой парень подбежал к капитану с ружьем для усыпления и передал его командиру.

— Второй господин, не обессудьте, — сказал капитан и, прицелившись, нажал на курок.

После этой дозы даже самый стойкий человек потеряет сознание в течение пятнадцати минут. Когда Фан Чжо протиснулся сквозь строй охранников, игла как раз пролетела мимо него. Чжоу Цу, зажатый семью-восемью людьми, не мог двигаться, и точный выстрел пришелся ему прямо в сонную артерию.

Заметив внезапно ворвавшегося парня, он замер. В его свирепых глазах промелькнуло трудноуловимое смущение. Чжоу Цу выдернул иглу и, не желая смотреть на Фан Чжо, отвернулся.

— Ну как, поболтал с ним? Сколько он тебе заплатил? — насмешливо спросил он.

Фан Чжо смотрел на его раны и молчал.

— Я знаю, что ты подослан им, — снова бросил Чжоу Цу.

— Нет. Я здесь ради тебя.

Чжоу Цу помнил: впервые он услышал эти слова той ночью. Когда тело вновь погружалось в бездонный холод, а сознание тонуло в пропасти, эта фраза стала факелом, сжегшим всю тьму. Его потухший взгляд на мгновение вспыхнул, но тут же снова стал мертвым.

— Ты думаешь, я тебе поверю? Проваливай! — раздраженно бросил он.

Фан Чжо сделал шаг в сторону, чтобы поймать его взгляд:

— Не умею проваливать. Научишь?

Мужчины ведь такие гордые. Попасться единственному другу в таком виде — это унижительно, вот он и ведет себя так агрессивно. Фан Чжо великодушно решил проявить понимание.

Охранники, окружив их, наблюдали за представлением. Один из них, которому наскучило глазеть, подошел к углу, волоча тяжелую цепь с кандалами, чтобы надеть их на Чжоу Цу, как только тот отключится. Фан Чжо мельком взглянул на кандалы — черные, грубые. Если использовать такое в качестве любовного аксессуара, любой испугается до смерти.

Телохранители были грубыми мужланами и не знали меры. Опасаясь, что Чжоу Цу пострадает, Фан Чжо предложил:

— Выходите, я сам на него надену.

Лицо Чжоу Цу стало еще мрачнее. Фан Чжо заметил, как у того вздулись вены на кулаках, и подумал: неужели сейчас врежет? Рефлекторно он схватил жесткий кулак мужчины и слегка сжал его.

Прошептал ему на ухо:

— Я не с ними. Я просто хочу остаться с тобой.

Видя, как они шепчутся, капитан охраны брезгливо поморщился:

— Если кто и выйдет, так это ты.

Фан Чжо, только было успокоивший Чжоу Цу, был прерван этим окриком. Лицо его помрачнело, и он молча уставился на охранника.

Так они простояли около десяти минут, пока препарат не начал действовать. Увидев, что взгляд Чжоу Цу затуманивается, охранники бросились вперед, повалили его на кровать и грубо защелкнули кандалы у него на шее. Фан Чжо наблюдал за этим с тяжелым сердцем. На людях они изображали почтение, но за спиной не считали Чжоу Цу за человека. Отец видел в сыне пса, и они относились к нему так же.

Уходя, один из них напоследок дернул за цепь и издал цокающий звук, словно дразнил собаку.

Когда лишние люди разошлись, в комнате воцарилась тишина. Чжоу Цу лежал неподвижно. Фан Чжо принес из гостиной аптечку и бережно обработал его раны. Затем сел в сторонке и, чтобы скоротать время, достал телефон, наблюдая, как 233-й играет в «Змейку».

Наступила ночь. Темно-синие сумерки поглотили остатки заката, на небе возшла полная луна, но звезд не было. Глядя на этот лунный диск, Фан Чжо понял, что сегодня пятнадцатое число, и, вспомнив странное поведение отца Чжоу, погрузился в раздумья.

Неизвестно, сколько прошло времени, как вдруг раздался звон цепей. Чжоу Цу сел на кровати и уставился на него странным, пугающим взглядом. Фан Чжо почуял опасность и поспешно отступил в безопасное место. В тот же миг Чжоу Цу спрыгнул с кровати. Он стоял босиком на полу, опустив голову, словно в прострации.

Фан Чжо не решался подойти:

— Ты в порядке? Что-то болит?

Услышав голос, Чжоу Цу резко обернулся. В его глазах смешались ярость, боль и жестокость. Фан Чжо отпрянул, собираясь бежать, но Чжоу Цу бросился к нему. Цепь натянулась, и мужчина, вытянув руку, попытался схватить его. Зная, что цепь не даст ему дотянуться, Фан Чжо всё равно перепугался и, едва не падая, выскочил из комнаты.

Едва он закрыл дверь, внутри раздался грохот — цепь с яростным лязгом заскрежетала по полу.

Фан Чжо, тяжело дыша, спустился на первый этаж и заметил, что охранников стало больше — явно для усмирения Чжоу Цу. Он постоял, подумал, и, хитро прищурившись, отправился на кухню, набрал закуску и решил поболтать с охраной.

У входа стоял здоровяк, скучающе куря и глядя на небо.

— Прости, тебе нельзя выходить, — охранник преградил путь.

Фан Чжо улыбнулся:

— Я и не собираюсь. Просто скучно, решил поболтать.

Он притащил маленький столик, расставил закуски:

— Тяжело вам стоять на посту. Перекусите, отдохните.

На доброту грех отвечать грубостью. Вскоре охранник, поддавшись на уговоры, расслабился. Они болтали о том о сём, пока Фан Чжо наконец не перешел к делу:

— Знаете, мне так страшно. Как думаете, второй господин не порвет цепь и не вырвется?

Голос Фан Чжо дрожал, а в глазах стояли слезы — выглядел он очень убедительно. Охранник отмахнулся:

— Да ну, брось. Эту цепь хозяин заказывал специально. Не то что человек — медведь не разорвет.

Фан Чжо картинно выдохнул:

— Ну и славно. Второй господин такой страшный, будто с ума сошел. Я уж испугался, что он меня убьет.

Чжоу Цу вечно смотрел на всех свысока, и охранники его недолюбливали. Услышав слова Фан Чжо, охранник тут же записал его в «свои» и презрительно хмыкнул:

— Какой он, к черту, второй господин.

— В смысле? Он что, не родной? — спросил Фан Чжо.

Охранник понизил голос:

— Слышал, он бастард, его даже в семейный реестр не внесли.

Судя по отношению Чжоу Чэна к Чжоу Цу, это было похоже на правду. Фан Чжо не удивился и спросил:

— Так у него бешенство? Почему врач не посмотрит?

Охранник и сам не знал, но в курилке народ любил почесать языками:

— Расскажу тебе историю, только никому не говори.

Фан Чжо закивал:

— Обещаю, ни слова.

Охранник понизил голос до шепота, как будто рассказывал страшилку:

— Мы тут посоветались и решили, что он просто неудачник.

— Почему?

— Слышал про продление жизни за счет чужой удачи?

Охранник начитался романов про фэн-шуй и теперь строил теории, но боялся, что Фан Чжо разболтает это, поэтому строго предупредил:

— Господин Чжоу очень не любит такие разговоры. Если до него дойдет, берегись... — он провел пальцем по горлу.

— Ты хочешь сказать, он меня убьет?

— Ты разве не знаешь, чем занимается семья Чжоу? Есть куча способов заставить человека замолчать, не обязательно пускать кровь.

В шоу-бизнесе полно сплетен: кто сошел с ума от проклятий, кто привлекает удачу с помощью духов, кто носит амулеты от сглаза... Фан Чжо всегда относился к этому скептически, ведь он вырос в эпоху прогресса. Но в этом мире всё это оказалось вполне реальным.

— Не бойся, я умею держать язык за зубами.

Охранник подбросил в рот арахис и сменил тему:

— Слушай, а кто из вас сверху, а кто снизу?

Фан Чжо не моргнув глазом ответил:

— Я сверху, он снизу.

Охранник не поверил:

— С твоим телосложением? Не смейся.

— Он только с виду грозный, а на деле — никакой.

Фан Чжо, боясь лишних расспросов, поспешно убрал мусор и улизнул. Когда он поднялся на второй этаж, в коридоре было тихо. Белый лунный свет заливал ковер, будто ничего и не происходило.

Сердце Фан Чжо бешено колотилось. Дверь была закрыта. Он толкнул её и вошел: комната была поделена лунным светом на две половины — светлую и темную. В освещенной части валялись перевернутый шкаф и сломанный стул, окно было распахнуто, и ночной ветер трепал шторы.

— Эй, а где он? — удивился Фан Чжо.

Тишина казалась неестественной. Он прошел вглубь комнаты и, оглядевшись, похолодел: «Сбежал???»

Только он успел это подумать, как из темноты кто-то бросился на него и прижал к полу. Фан Чжо ударился носом — из него тут же хлынула кровь. Раздался звон цепи, и холодный металл обвился вокруг его шеи.

Фан Чжо дрожал всем телом:

— Чжоу... Чжоу Цу?

Мужчина тяжело дышал, его крепкое тело прижималось к его спине, мышцы были напряжены, словно у зверя, готового разорвать добычу. Фан Чжо поднял руки:

— Посмотри на меня, я без оружия, я не причиню тебе вреда, клянусь.

Дыхание Чжоу Цу стало еще тяжелее. Фан Чжо понимал, что стоит тому дернуть цепь, и всё кончено. Он сглотнул и постарался сделать голос как можно мягче:

— Цу-Цу, я твой друг. Я же пару дней назад тебя целовал, а на следующий день ты со мной поссорился, забыл что ли? Пожалуйста, будь осторожнее с цепью, дружище, я здесь, чтобы помочь тебе выбраться.

Под его уговоры Чжоу Цу хоть и не перестал быть настороже, но перестал дергать цепь. Фан Чжо осторожно обернулся и, увидев, что тот не бушует, выдохнул. В лунном свете он разглядел его лицо: растрепанные волосы, синяки, налитые кровью глаза. Чжоу Цу хмурился, словно ему было очень больно.

Фан Чжо положил руку ему на лоб:

— Тебе плохо? Голова болит?

Теплая ладонь парня принесла облегчение. Чжоу Цу потерся лбом о его ладонь, в его глазах на мгновение промелькнула ясность, но тут же сменилась пронзительной болью.

Фан Чжо хотел что-то сказать, но его грубо оттолкнули. Чжоу Цу в ярости перевернул кровать, бросился к вазе и разбил её. Комната превратилась в руины. Боль сводила его с ума, он не помнил ничего, кроме инстинктивного желания крушить всё вокруг. Он дергал цепь, не замечая, что кандалы до крови прорезали ему шею.

Фан Чжо видел разного Чжоу Цу — равнодушного, холодного, дрожащего в его объятиях, но таким страшным и жалким он его еще не видел.

— Успокойся, я придумаю, как снять кандалы! — крикнул он.

Чжоу Цу издал звериный рык, его глаза горели яростью. У Фан Чжо тоже сдали нервы:

— Ты, мать твою, с ума сошел, а не оглох! Я знаю, что ты слышишь! Нельзя быть хоть немного покладистым?!

Чжоу Цу слышал, но сознание было затуманено — он не узнавал парня и видел в нем угрозу. Фан Чжо кричал, а Чжоу Цу рычал еще громче, сжимая кулаки.

Фан Чжо испугался и решил было снова бежать. Он осторожно попятился к двери, но Чжоу Цу, заметив это, в один прыжок настиг его, схватил за плечи и швырнул на пол. Фан Чжо ударился так, что хрустнули кости:

— Чжоу Цу, пошел ты к черту! Бешеная псина! Неблагодарная тварь!

Чем сильнее была боль, тем яростнее ругался Фан Чжо. Чжоу Цу, раздраженный шумом, схватил его за щеки. Кожа парня была нежной, от нажатия остались красные следы. Рот Фан Чжо приоткрылся, из уголка потекла слюна, вид был жалкий.

Он хотел плакать от боли, но упорно пытался ударить Чжоу Цу. Тот легко перехватил его руки, придавил их над головой, а ногами зажал колени.

Поза была унижительной. Фан Чжо чувствовал обиду и страх. Как только он замолчал, Чжоу Цу показалось, что боль в голове утихла. Глядя на покрасневшее лицо парня, он вдруг вспомнил что-то — губы, мягкие и теплые, которые хотелось попробовать на вкус...

Фан Чжо, глядя в потолок, уже приготовился к худшему, как вдруг почувствовал, что Чжоу Цу впился в его губы...

Второго господина Чжоу точно укусила бешеная собака — он не целовал, он кусал! Фан Чжо дрожал от ужаса, все его мольбы и крики тонули в этом безумном поцелуе. Чжоу Цу был как одержимый: то кусал, то облизывал, словно не мог решить — проглотить его или пощадить.

Фан Чжо чувствовал себя так, будто его подвесили над жерлом вулкана: кто-то жестокий то подтягивал веревку, то отпускал, заставляя балансировать между жизнью и смертью.

Он с ума сойдет. Чжоу Цу просто не человек!

На лужайке перед виллой собрались охранники.

— Что там наверху? Почему так тихо?

— Наверное, выдохся.

— Странно, раньше он никогда не был таким тихим.

— Эй, вы Сюй Вэйлая не видели? Только что тут крутился, куда делся?

— Неужели его прикончили?

Когда их только прислали, они недооценивали Чжоу Цу, но через пару дней двое из них попали в больницу с тяжелыми травмами. Второй господин Чжоу, когда впадал в ярость, становился невероятно силен. Пятерым профессионалам было трудно с ним справиться, что уж говорить о хрупком парне.

Тот самый охранник, что болтал с Фан Чжо, поднялся:

— Не, надо пойти проверить.

Сосед протянул ему ружье:

— Если что — стреляй.

— Понял.

Охранник быстро поднялся на второй этаж. Вокруг стояла тишина. Никакого рева, хотя в полночь пятнадцатого числа Чжоу Цу всегда бушевал сильнее всего. Слишком странно.

— Господин Сюй, вы здесь?